

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
MEMORABLE DATES

А.В. Запорожец с монгольской девочкой

Солнце детской психологии: 130-летие А.В. Запорожца

12 сентября 2025 года исполнилось 120 лет со дня рождения великого детского психолога Александра Владимировича Запорожца (1905–1981), классика культурно-исторической психологии, ученика Л.С. Выготского. В кругу Выготского его называли Совестью школы, сотрудники созданного им в системе Академии педагогических наук Института дошкольного воспитания — Солнышком.

Институт был уникальным центром разнодисциплинарных исследований дошкольного детства, куда устремлялись со всего мира психологи и педагоги, а в гостях бывали всемирно известные ученые: от Джеймса и Элеонор Гибсон до Джерома Брунера и Ури Бронfenбrennera. В стенах Института сложилась школа А.В. Запорожца, представленная именами классиков культурно-исторической психологии второго и третьего поколений — Н.Н. Поддъякова, Л.А. Венгера (материал к его 100-летию публикуется в этом номере журнала), Е.Е. Кравцовой. К их числу следует отнести и ученицу Запорожца М.И. Лисину, которой он передал свою лабораторию в Психологическом институте на Моховой, уходя в новый Институт. Практически все сотрудники НИИ дошкольного воспитания — психологи, педагоги, философы, художники, инженеры — считали себя питомцами «солнечной» школы Запорожца. Ярчайшим лицом школы Запорожца был выдающийся психолог и мыслитель В.П. Зинченко, учредитель и первый главный редактор журнала «Культурно-историческая психология».

Пушкина называли «Солнцем русской поэзии» (с авторством выражения нет ясности, на него претендуют А.А. Краевский, что наиболее вероятно, и В.Ф. Одоевский). Запорожец был Солнцем детской психологии с его светом, теплом и притяжением. Солнцем... и мыслящим сердцем. Как «работает» такое «сердце» у ребенка, он и стремился понять вслед за Выготским, занявшись изучением вместе с сотрудниками сложнейшей проблемы нерасторжимого, но диалектически противоречивого единства аффекта и интеллекта, обобщенного переживания, «умных» эмоций. И имел все основания сказать: «Ребенок познает мир не только умом, но и сердцем» — умным сердцем, которое живет в постоянном режиме взаимопревращения идеи в страсть (Спиноза).

Сделанное А.В. Запорожцем (далеко не все) можно тезисно выразить следующим образом (за многими из этих тезисов стоят посыпи Л.С. Выготского).

Первое. Л.С. Выготский писал, что «до трех лет ребенок учится по собственной программе». В рамках школы Выготского А.В. Запорожцу удалось свести положения культурно-исторической детерминации развития и его самодетерминации, которые до сих пор и разводятся, и «запараллеливаются». Саморазвитие ребенка в материале и средствами культуры и определяет эффекты его развития, которые, по выражению Запорожца, ложатся в «золотой фонд зрелой человеческой личности». Развитие через освоение культуры и саморазвитие через ее преобразование (пусть субъективно значимое) — это не два процесса, а один. И после трех лет ребенок с опорой на взрослую программу продолжает создавать собственные программы обучения — об этом — в работах Н.Н. Поддьякова.

Второе. А.В. Запорожец первым возвел в научный принцип идею самоценности детства (идущую еще от Руссо) и показал, что именно она определяет образовательную ценность достижений дошкольного детства, тем самым превратив аксиологию в методологию.

24-летний А.В. Запорожец в экспедиции на Алтае (1929)

Третье. Еще в харьковский период (1930-е гг.) А.В. Запорожец стал первопроходцем исследования психологии действия (наряду с А.Н. Леонтьевым, П.И. Зинченко, С.Л. Рубинштейном и отчасти Н.А. Бернштейном). Если быть точнее, Запорожец на материале анализа перцептивных действий фактически открыл этот феномен как единицу психики (С.Л. Рубинштейн). Восприятие задолго до когнитивистов, по сути, рассматривалось как конструирование образа действительности, а ее отражение выступало результатом конструирования. Через почти три десятилетия в своем капитальном исследовании «Развитие произвольных движений» (1960), подлинный общепсихологический смысл которого до сих пор по-настоящему не раскрыт, он нащупал в детской моторике свободу, осмысленность, выразительность действия (тут его подход вновь смыкается с подходом Бернштейна). А.В. Запорожцем вместе с его учениками В.П. Зинченко, Л.А. Венгером был продолжен анализ действенной природы восприятия. Результаты лежат в фундаменте общепсихологической теории деятельности, которая выросла из психологии действия прямого ученика Л.С. Выготского.

Четвертое. А.В. Запорожец впервые прочертил линию, позволяющую восстановить генез развития личности в дошкольном детстве: действие в форме содействия — сопреживание, сочувствие (1940-е годы) — предчувствие, предвосхищение (1970-е годы, исследование, проведенное совместно с Я.З. Неверович). Эта линия вышла на пересечение двух, столь актуальных в наши дни, сюжетов Выготского — единства аффекта и интеллекта и единства общения-обобщения.

Пятое. При всей значимости игры — ведущей деятельности дошкольника — А.В. Запорожец настаивал на изучении ансамбля «специфически детских видов деятельности» (от игры до различных видов художественного творчества) и его образовательной поддержки в целом. Эту поддержку он называл *амплификацией* (обогащением, расширением) перспективы детского развития. Идея амплификации легла не только в основу первой программы развивающего дошкольного образования, разработанной в Институте дошкольного воспитания, но и во всех последующих инновационных подвижек в этой сфере со второй половины 1980-х годов по настоящее время.

А.В. Запорожец остается не простой действующей, а ключевой фигурой в детской психологии и в практике дошкольного образования 21-го века.

Уроки «очного определения человека» Михаила Бахтина

17 ноября исполнилось 130 лет со дня рождения литературоведа и мыслителя Михаила Михайловича Бахтина, всемирно известного ученого, референтного для психологов. Примечательно и то, что он родился в один день с Л.С. Выготским, но на год раньше. Совпадение не только символическое: на созвучие их идей указывают с 1980-х годов, тема «Бахтин и Выготский» стала сквозной в России и за рубежом. Подробнее об этом — в статье В.Т. Кудрявцева «Выготский и Бахтин. И дальше века длится день», опубликованной на портале PsyJournals.ru (<https://psyjournals.ru/news/2977>).

Диалогика М.М. Бахтина не тождественна культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, — они не просто дополняют, а взаимообосновывают друг друга. У Выготского высшая психическая функция появляется на сцене развития дважды — вначале в разделенной между двумя людьми форме, а затем в индивидуальной, претерпевая ряд изменений. У Бахтина в диалоге рождается со-знание. Но здесь появление нового участника, например читателя беседы героев романов Достоевского, приводит к тому, что и роман перестает быть тем, как он был написан, поскольку из него читатель вычерпывает это со-знание.

Неслучайно Достоевский писал в одном из своих писем, что никогда не пытался придать своей мысли окончательную формулировку, оставляя место не просто интерпретации произведения, но и внутреннему голосу читателя. И даже его внутренней речи, которая говорит не столько на «языке мышления», сколько на «квазязыке воображения» (исследование И.Д. Рыжовой, выполненное в МГППУ под руководством В.Т. Кудрявцева). Вспомним тезис Лакана: «Бессознательное — это речь Другого». Для Выготского речь другого — скорее, «сверхсознательное», голос культуры. Условно говоря, «ВПФ» одного героя в Бахтинском диалоге с «ВПФ» другого героя, который конструирует «ВПФ» автора. В диалог вливается читатель и производит его переосмысление. Получается, что последнее слово в литературе принадлежит психологии. Плох тот писатель, который все договаривает за читателя. Именно поэтому Достоевский считается великим писателем-психологом. Именно поэтому М.М. Бахтин нашел свой отклик не только у представителей культурно-исторической психологии.

«Душа — есть дар, это дар моего духа другому человеку. Когда я думаю о другом человеке, я думаю о его душе (его образе), что касается меня самого, то сам я живу в духе» (Бахтин М.М. (2017). *Автор и герой в эстетическом событии. Избранное. Том I. С. 97.* М.; СПб.). Бахтин выступал против «заочного определения человека» в любой науке о нем. Такие определения более всего опасны в психологии, которыми она, увы, изобилует (личностные черты, когнитивные стили, стратегии совладания и т. д., если рассматривать их вне оптики опросников и тестов).

Ф.Т. Михайлов говорил о том, что главный предмет поиска для ребенка, для человека — не вещь, а другой человек. А вещь — постольку, поскольку она в его руках, как погремушка, перешедшая из рук матери в ручки младенца — лишь «остановленное» мамино движение. Так и «недостроенное» литературное произведение — повод «включить» индивидуальное читательское сознание, на уровне которого решается судьба романа и его героев, становящихся «очными» собеседниками читателя вместе с авторами. «Над вымыслом слезами оболюсь» (Пушкин).

Литературовед М.М. Бахтин учит психологию мыслить «очно».

Редколлегия журнала «Культурно-историческая психология»

Блюма Вульфовна Зейгарник в юности (Минск)

«Феномен Зейгарник»: прерванное действие — воспоминание о будущем

9 ноября 2025 года широко отмечалось 125 лет со дня рождения психолога Блюмы Вульфовны Зейгарник, ученицы Курта Левина и последовательницы Л.С. Выготского. Во всех источниках годом ее рождения указывается 1900-й, хотя родилась она в 1901-м, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях ее внук Андрей Владимирович Зейгарник. К этим разноточиям (возможно, связанным с записью в паспорте) сама Блюма Вульфовна относилась спокойно: какая разница — год раньше, год позже.

И вообще, она относится к тем ученым, о которых вспоминают не только по юбилеям: «феномен Зейгарник» у всех на устах — от студента до профессора, он постоянно напоминает о себе всем ходом нашей изменчивой жизни. И именно эта изменчивость в значительной степени актуализирует его в обыденности, биографиях, истории. Конечно, «феномен Зейгарник», как ученого и личности, намного больше открытого ею в молодости факта эффективности запоминания прерванного действия. Но это один из тех фактов, который имеет фундаментальное общепсихологическое (да и общегуманитарное) значение.

Б.В.Зейгарник и П.Я.Гальперин. 1980-е годы

В прерванном действии возникают смысл, мысль, мечта, творческий порыв, сознание и многое другое, что с этим связано. Для психологии оно не один из источников фрустрации, а условие порождения человеческой

психики в специфических формах. Как блестяще показал Петр Яковлевич Гальперин, необходимость в психике у всего живого создает ситуация противодействия — разрыва, преграды и т. д. Ее преодоление предваряет строительство образного плана-ориентировки, в котором оно поначалу совершается. Но только у человека этот образ наполняется мечтой, новыми смыслами и размышлениями о действительности и своих возможностях. Потому «фрустрация» не вытесняется, а лучше всего запоминается. И в памяти о ней содержатся ростки продуктивного действия.

Животное видит в противодействии только риск, а человек — еще и шанс. Крыса в опытах бихевиористов никогда не бросалась на участок клетки под током, избегала его, как и ее сородичи, наблюдавшие за ней. Человек принимает на себя «высокое напряжение» жизни, если находит малейший шанс (и даже «без шансов») совершить что-то сверхзначимое. А сверхзначимое становится общезначимым, воодушевляет, вдохновляет, провоцирует других, вселяет в них смысловую интригу. Точка риска перерастает в точку роста, вокруг которой группируются человеческие устремления и усилия.

«Фрустрация» вгоняет животное в агрессию, в нервный срыв, в итоге — в апатию — как собаку в знаменитых опытах И.П. Павлова, на глазах которой круг превращался в эллипс. Человек в подобных случаях может испытывать целый диапазон переживаний: от отчаяния, вплоть до безысходности, до наивысшего душевного пика. Животное запоминает прерванное действие, чтобы не повторялось, человек — чтобы, порой с нетерпением, продолжить.

Прерванное действие — воспоминание о возможном. О будущем. В этом парадоксальность «феномена Зейгарник». Впрочем, все это тема особого разговора и, главное, — новых исследований.

Б.В. Зейгарник с сотрудниками созданной ею в составе Института психиатрии Академии медицинских наук СССР — соратницей и подругой С.Я. Рубинштейн и молодой исследовательницей Т.И. Тепенициной

Вклад Б.В. Зейгарник в патопсихологию требует особого анализа (который уже проделан многими авторами), но можно сказать, что он имеет общепсихологическое значение. На материале исследования мышления больных шизофренией Блюме Бульфовне удалось лучше, чем кому бы то ни было, продемонстрировать силу и глубину идеи Л.С. Выготского о том, что мысль — не последняя инстанция, что за ней стоит мотивация, «аффективная и волевая тенденция». Именно нарушения в этой сфере приводят к патологии мышления.

В какой-то мере все мы — ученики Б.В. Зейгарник, независимо от принадлежности к той или иной области психологии. Ее школа бесцenna для нас и всех, кто идет за нами.

Редколлегия журнала «Культурно-историческая психология»

От психологии свободы к персонологии К юбилею В.А. Петровского

14 августа 2025 года отметил свое 75-летие Вадим Артурович Петровский, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Центра фундаментальной и консультативной персонологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». К этому следует добавить, что, наряду с этим (и многим другим), он является членом редколлегии и постоянным автором журнала «Культурно-историческая психология».

Еще в 1981 году на самой первой конференции, посвященной научному творчеству Л.С. Выготского, в Москве, он провозгласил: в отличие от традиционных подходов социальной детерминации психики, в исследованиях Выготского (например, при проведении методики «двойной стимуляции») обращение к культурному средству никогда не являлось навязанным и фатальным. Оно определялось особой активностью человека, имеющей неадаптивный характер. Использование культурного средства, особенно в поисковой ситуации (а предмет поиска — собственные возможности человека, о них говорил Выготский), не только внес ситуативно, но и над ситуативно. Никакого социального гомеостаза не существует, а, скажем, конформизм — это искажение самого социального способа жизни, в основе которого — свободное объединение людей внутри деятельности как творчества. Можно вспомнить учителя В.А. Петровского — А.Н. Леонтьева, спорившего с Ж. Пиаже с его «конструктивным» адаптационизмом: бессмысленно «уравновешиваться» с понятием как продуктом созидания человеческой мысли. Принцип «свободной причинности» В.А. Петровского — в унисон культурно-исторической психологии.

Однажды один юноша, почти ребенок, задался удивительным, совсем не детским вопросом. Он смотрел на горную вершину и размышлял: *в чем моя свобода (воля, по определению, свободная)?* В том, чтобы, преодолев страхи (при отсутствии элементарных альпинистских навыков), сделать попытку и взобраться? Или все-таки обуздать в себе стремление подняться к манящей высоте. Вопрос состоял не в том, что сильнее — страх или стремление покорить вершину. А в том, в чем же тогда свобода. Иной раз «героизма» для того, чтобы оставаться внизу, нужно не меньше, чем для того, чтобы карабкаться по горным откосам. Такова природа человека.

Юношу, незнакомого с психологией, который, по сути, поставил «центральную проблему психологии» (Л.С. Выготский, в «Записных книжках»), звали Вадим Петровский.

Концепция отраженной субъектности и идеальной представленности людей друг в друге, которую выдвинул В.А. Петровский, также отсылает к идеям Выготского о социальной ситуации развития, раскрывая новые грани ее личностного взаимопреживания и сопереживания детьми и взрослыми.

Все это еще ждет своих исследователей и может быть исследовано с позиций персонологии, которую, в том числе, с опорой на ряд идей культурно-исторической психологии разрабатывает в последние десятилетия В.А. Петровский.

Коллеги по редколлегии от всей души поздравляют Вадима Артуровича с юбилеем, ждут от него новых статей и книг, каждая из которых становится событием в научной жизни! Уверены, что к нам присоединятся многие.

Редколлегия журнала «Культурно-историческая психология»

Человек грядущего К 70-летию Т.Ю. Базарова

7 мая 2025 года исполнилось 70 лет Тахири Юсуповичу Базарову, доктору психологических наук, профессору МГУ имени М.В. Ломоносова, Заслуженному профессору МГУ, одному из лидеров современной социальной и организационной психологии, создателю уникальных практик поддержки человеческих отношений в мире 21-го века. С этого года Т.Ю. Базаров пополнил состав редколлегии журнала «Культурно-исторической психология». Приглашение Т.Ю. Базарова стать членом редколлегии не было случайным.

Идя по стопам своего учителя Г.М. Андреевой, Т.Ю. Базаров по-особому развивает позиции культурно-исторического подхода в сфере социально-психологического знания (это демонстрирует и его статья с соавторами, опубликованная в этом номере журнала). Мыслить психологию в *терминах будущего* — естественно. «Психологический» человек — всегда «гость из будущего». Потому что всегда есть намерение, цель, план, образ, мотив, всего из чего предстоит вырасти человеку, которого пока нет, и оно парадоксальным образом детерминирует то, что уже есть, то, что сложилось. Об этом писали многие: от Н.А. Бернштейна до Ж. Нюттена. Но, как справедливо отметила О.А. Седакова, Л.С. Выготский еще в «Психологии искусства» поставил в центр *возможного человека*, который может состояться, а может и не состояться. И в образе личности внутри общности, и в образе самой общности личностей, которые пока не нашли ничего общего в виде объединяющего смысла — как не всякий ребенок способен найти смысл в бессмысленных слогах при классификации фигурок (методика Выготского—Сахарова).

Т.Ю. Базаров занимается особого типа возможным в человеке, которое он называет *грядущим человеком*, тем, что становится возможным в ненаступившем будущем, будь то завтра или далекая историческая перспектива, не поддающаяся измерению, потому что измерительная «рулетка» только внутри человека. «Внутренний план» «производится» (П.Я. Гальперин), рождается вместе с идеями, наполняющими его смыслом, а не просто переносящимися извне внутрь. В ручонках младенца, которые тянутся к маме, чтобы поймать и замкнуть в маминых объятиях доступное бытие, сохранив доверие к недоступному. Маму не приближают, мама не приближается. Мама *грядет* со всем этим незнакомым, но заведомо чудесным миром, который она прихватит, зачерпнет в объятия. И Т.Ю. Базаров вводит понятие *зоны грядущего развития* — ЗГР (по аналогии с ЗБР), которая соотносима не с тем, что вчера еще не получалось без помощи другого человека, а сегодня выполняется самостоятельно, а с тем, что Выготский называл «судьбой», которая была его исследовательской мечтой. Судьбой с ее диалектическими превратностями, драматизмом, непредсказуемостью, неопределенностью — не «по случаю», а в самом, необходимом.

С Грядущим можно разойтись. Хотя, возможно, именно сейчас оно проходит сквозь нас. Грядущее — это не будущее, не хронологическое «завтра», а «другое измерение», которым, по Т.Ю. Базарову, призвана заниматься психология и работать с ним на практике. Примеры такой работы — в социально- и организационно-психологических развивающих сессиях, которые успешно ведет Т.Ю. Базаров. По его словам, дружба с неопределенностью — это дружба с самим собой — «возможным человеком», готовность к встрече с ней и с ним, а не реакция на ныне модные «вызовы будущего» (это тот же неизжитый бихевиоризм).

Это и есть грань той свободы, которую Л.С. Выготский считал «центральной проблемой психологии». И перспектива культурно-исторической психологии 21-го века — там, где не только общая, по Выготскому, но и социальная психология срастаются с генетической на базе культурно-исторической методологии. К этой смычке с разных сторон пришли навстречу друг другу Т.Ю. Базаров и В.В. Рубцов (один — со стороны социальной, другой — со стороны генетической психологии; здесь следует еще назвать имена В.С. Мухиной и Я.Л. Коломинского).

Поздравляя Тахира Юсуповича с юбилеем, пожелаем ему продуктивного и вдохновляющего движения в той перспективе, которую он наметил сам.

Редколлегия журнала «Культурно-историческая психология»